

Кавказский комитет и кавказский наместник: формирование и особенности взаимоотношений в 1845-1854 гг. Амиран Урушадзе

КАВКАЗСКИЙ КОМИТЕТ И КАВКАЗСКИЙ НАМЕСТНИК:

ФОРМИРОВАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

В 1845-1854 гг.

Урушадзе А.Т. Кавказский комитет и Кавказский наместник: формирование и особенности взаимоотношений в 1845-1854 гг. // Вестник Южного научного центра РАН. 2011. Том 7, № 4. С. 96-100.

Амиран Т. Урушадзе

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук, 344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41; тел. 8 (918) 594-08-21, e-mail: urushadze85@mail.ru

<http://www.ssc-ras.ru/page1013.html>

Статья рассматривает формирование и особенности взаимоотношений между двумя наиболее значимыми институтами управления южной окраиной Российской империи в период 1845-1854 гг. Выделены, и проанализированы формальные и неформальные условия эффективной управленческой политики на Кавказе.

Ключевые слова: Кавказ, Кавказский комитет, Кавказское наместничество, М.С. Воронцов.

Проблемы административно-территориальной и национальной политики на Северном Кавказе относятся к числу тем, интерес к исследованию которых в отечественной историографии не ослабевает [1, с. 76]. Отношения российского центра и его южной окраины были и остаются чрезвычайно многогранными, а прошлое продолжает незримо присутствовать в настоящем. В этих условиях, вряд ли историки в ближайшее время столкнутся с дефицитом актуальных вопросов, подлежащих самому тщательному изучению.

Пространство Российской империи к середине XIX столетия включало в себя территории, которые принято именовать «окраинами». В силу специфики данных областей самодержавие вынуждено было искать соответствующие методы управления для обеспечения единства империи [2, с. 21]. Политика самодержавия в отношении окраин империи преследовала цели политической и экономической интеграции страны, установления её административно-правовой и социальной однородности [3, с. 12]. И хотя, по известному историческому анекдоту, Николай I в качестве символа главного начала, объединяющего многонациональную империю, показал своему наследнику кулак, устойчивость государства обеспечивалась отнюдь не только одной грубой силой [4, с. 241].

Вырабатывать и проводить эффективную политику на территории окраин были призваны различные имперские институты власти и управления. При этом для некоторых окраин создавались специальные институты, выделенные из системы общегосударственных высших учреждений – Государственного совета и Комитета министров, что придавало особый характер управлению данными территориями как на местном, так и на центральном уровне [5, с. 252]. Кроме высших территориальных комитетов национальные окраины имели и гораздо более

самостоятельные институты местного управления в виде генерал-губернаторства или наместничества. Наличие центральных профильных комитетов и соответствующих полуавтономных по своему административному статусу окраин приводило к периодическому возникновению различных управленческих коллизий и особых, как формальных, так и неформальных деловых отношений внутри бюрократической машины государства. Характеристике взаимоотношений двух типов институтов управления на примере южной окраины Российской империи – Кавказского края – в период 1845–1854 гг. посвящена данная статья. В указанный период были определены, и закреплены основные компетенции Кавказского наместника, а для Кавказского комитета рассматриваемое десятилетие стало временем его наивысшей активности и практической значимости.

К 1840-м гг. необходимость кардинального преобразования управления Кавказом стала осознаваться не только местными офицерами и чиновниками, но и петербургскими вельможами. Император Николай I во время своей поездки по Кавказу в 1837 г. мог лично убедиться в крайне плачевном состоянии дел края. Позже, в одной из частных бесед император признавался: «После моей поездки на Кавказ в 1837 г. я видел, что надобно было принять другие меры для управления эти краем. Дела шли хуже и хуже» [6, с. 388]. В том же 1837 г. в Петербурге был создан Комитет об устройстве Закавказского края, который должен был выработать программу политико-административных преобразований региона.

Результатом деятельности Комитета стала реформа сенатора П.В. Гана. Она была основана на введении гражданского общегубернского управления, по шаблонам, применявшимся во внутренних губерниях империи, и оказалась крайне неудачна. В своих записках барон М.А. Корф оставил такую характеристику: «Многое на деле оказалось несоответствующим местным нуждам, даже невозможным в исполнении; другое противное нравам и навыкам жителей возбудило ропот... народу, лишенному прежней быстрой азиатской расправы, окутанному неизвестными и чуждыми ему формами, подверженному новым притеснениям, стало еще хуже и тяжелее, чем когда-либо...» [7, с. 330]. Негативным последствием реформы стало и общее снижение профессионального уровня, а, следовательно, и качества имперской администрации ввиду того, что «непосредственным блюстителем народной жизни, проводником культуры и исполнителем всех распоряжений администрации и суда поставлен полицейский чиновник – участковый-заседатель...» [8, с. 76].

После провала реформы Гана в 1842 г. комитет был реорганизован, и, поменяв название, стал именоваться Комитетом по делам Закавказского края. Обновленный комитет сосуществовал со специальным кавказским VI Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (СЕИВК). Недостатки, порождаемые раздвоенностью центрального управления региона, удалось преодолеть только в 1845 г. с созданием Кавказского наместничества. Вся высшую кавказскую администрацию в Петербурге было решено сосредоточить в Кавказском комитете.

Кавказский комитет создавался как постоянное учреждение, главной целью деятельности которого провозглашалось установление на Кавказе особой системы управления, «водворение» «прочного гражданского благоустройства» [5, с. 263]. Как уже было сказано, одновременно с очередной реорганизацией центрального территориального органа управления Кавказом, который теперь получил название Кавказского комитета, создавалось и Кавказское наместничество. Созданием высших территориального и местного институтов управления разрозненные районы Закавказья и Кавказа были геополитически очерчены новыми административными границами, создавался единый регион, у которого была не только особая география, но и самобытная траектория постепенного превращения в неотъемлемую часть империи.

Представляется, что учреждением на Кавказе наместничества император Николай I пытался решить следующие проблемы краевого управления:

1. наличие двух администраций, военной и гражданской, что приводило к ведомственности и застою в делах;
2. коллективная ответственность за политику на Кавказе, которая на практике оборачивалась коллективной безответственностью.

Надежды Николая I, связываемые им с назначением на должность наместника графа М.С. Воронцова, нашли отражение в рескрипте императора от 17-го – 29-го ноября 1844 г., где российский самодержец отмечал: «Зная Ваше всегдашнее пламенное усердие к пользам государства, выбор мой пал на Вас, в том убеждении, что Вы, как главнокомандующий войск на Кавказе и наместник мой в сих областях с неограниченным полномочием, проникнутые важностью поручения и моим к Вам доверием, не откажитесь исполнить мое ожидание» [9, с. 213]. Особо следует подчеркнуть, что императору необходим был не просто высокопоставленный администратор, объединяющий в своих руках военную и гражданскую власть на Кавказе, но и доверенное лицо, человек на которого можно было положиться лично.

В высочайшем рескрипте на имя М.С. Воронцова император отмечал, что назначает его на этот

пост «... в полном доверии к лицу Вашему...» [10, л. 63]. В историографии существует мнение, что, первоначально, на роль Кавказского наместника Николай I планировал назначить генерала Д.А. Герштейнцвейга, командира сводного кавалерийского корпуса, в чьем ведении находились новороссийские военные поселения [11, с. 6]. Однако в разговоре с секретарем М.С. Воронцова В.С. Сафоновым император высказался весьма однозначно о назначении графа наместником Кавказским: «Это один человек, которого я имею для Кавказа» [6, с. 388]. Показательна в этом отношении и другая фраза российского самодержца в отношении М.С. Воронцова: «Я всегда говорил, что нет другого человека в России, как князь, который бы так был способен и так умел творить, созидать, устраивать» [6, с. 397]. Личное доверие императора в отношении М.С. Воронцова играло важную роль во взаимоотношениях Кавказского наместника и Кавказского комитета. Министры и главноуправляющие, ставшие главными оппонентами наместника, были вынуждены принимать во внимание и учитывать (если не опасаться) чувства монаршего доверия.

М.М. Сперанский однажды определил российских генерал-губернаторов как «министров на местах». Кавказский наместник являлся еще более самостоятельной и властной фигурой. Несмотря на невиданную самостоятельность, наместник в специфических условиях Кавказа, где от быстроты принятия решений зависело очень многое, тяготился излишней опекой Петербурга. Принимая то или иное важное решение, М.С. Воронцов часто с иронией добавлял: «... хорошо и то, что мне не надо спрашивать об этом в Петербурге» [12, с. 198].

По утвержденным в 1846 г. особым правилам, которые регламентировали отношения между наместником и центральными ведомствами [13], первый сохранил право непосредственного обращения к председателю Кавказского комитета А.И. Чернышеву и императору Николаю I. М.С. Воронцов жестко и последовательно отстаивал эту прерогативу наместника. Граф всячески стремился не допустить вмешательства в кавказские дела со стороны министров, находившихся в далеком Петербурге. В черновиках одного из писем М.С. Воронцова привлекает внимание категоричное утверждение наместника: «Предположение заняться в Петербурге преобразованием теперешнего порядка гражданских дел у нас весьма меня пугает; они сделают ералаш» [6, с. 410]. Наместник не принимал министерскую опеку, даже в том случае, когда она была санкционирована императором. Примером такого случая является Высочайшее повеление, по которому в отношении управления VIII округом путей сообщения, наместник должен был «испрашивать мнение» главноуправляющего (министра) путей сообщения и публичных зданий графа, генерал-адъютанта П.А. Клейнмихеля [14, л. 14-15]. М.С. Воронцов обратился к председателю Кавказского комитета А.И. Чернышеву, выразив свое недоумение наместник, обозначил все новые сложности, с которыми неизбежно должна была столкнуться кавказская администрация. После нескольких заседаний Кавказского комитета управление VIII округом путей сообщения осталось в компетенции наместника, а по вопросам, превышающим его полномочия, он входил в отношение с председателем Кавказского комитета. Решительно отбивая непосредственные «служебно-иерархические» атаки министров и главноуправляющих, наместник оставлял им только одно средство давления и контроля своей деятельности – Кавказский комитет. Между тем, участие в работе Кавказского комитета являлось для министров дополнительной рабочей нагрузкой с соответствующим к ней отношением. Министры осуществляли попытки добиться перенесения некоторых дел из Кавказского комитета на рассмотрение в Комитет министров, где они могли бы, используя различные коалиционные схемы, консолидировано выступить по многим вопросам управления Кавказом, но такие попытки успеха не имели [15, л. 3].

В этих условиях тандем наместник – управляющий делами Кавказского комитета мог на время сделать управление Кавказом более независимым от центральных ведомств. Если для министров заседания Кавказского комитета были дополнительными занятиями к основной работе по должности, то для управляющего делами комитета эта работа была главным содержанием и смыслом деятельности. Именно управляющий делами первым получал запросы наместника, мнения министров, а так же вел переписку с этими и другими должностными лицами. Одной из наиболее важных функций управляющего делами, было представление мнений и позиций министров на заседаниях Кавказского комитета [15, л. 2], которые главы ведомств посещали далеко не регулярно и с большой неохотой. Управляющий делами Кавказского комитета при наличии определенных навыков мог представить соображения министра в выгодном или напротив не выгодном для наместника свете. От бойкости пера и остроты языка управляющего делами зависело решение многих дел Кавказского комитета. Поддержка управляющего делами во многом гарантировала успешное прохождение представлений наместника через Кавказский комитет.

В годы наместничества М.С. Воронцова управляющим делами Кавказского комитета являлся один из самых талантливых чиновников-канцеляристов Российской империи В.П. Бутков. Отношения управляющего делами и наместника были доверительными и едва ли не дружескими. Во многом это объясняется наличием дружеских отношений между М.С. Воронцовым и председателем Кавказского комитета А.И. Чернышевым. Креатурой последнего и был В.П. Бутков. А.И. Чернышев «давно знал, и ценил его редакторские способности» [12, с. 128]. В.П. Бутков практически всегда не без желания и азарта способствовал продвижению и принятию представлений наместника. При этом В.П. Бутков имел репутацию опытного и виртуозного канцелярского «дельца», что еще более усиливало позиции наместника в Кавказском комитете.

Однако не редки были случаи, когда даже такой мощный альянс был бессилен добиться

положительного для наместника решения. Часто терпели фиаско представления наместника о возвращении на прежнее место жительства лиц, высланных за пределы Кавказа за «разбой» и «хищничество» [16, л. 258].

Некоторые отрасли управления Кавказский комитет добровольно полностью отдал на откуп наместнику. В частности, дела по учебной части, поступающие в Кавказский комитет, передавались на разрешение Кавказскому наместнику. Обращает на себя внимание канцелярская формула, неизменно сопровождающая передачу дел в компетенцию наместника: «Комитет, принимая в соображение, что дело это удобнее может быть разрешено на месте положил: разрешение оно предоставить Кавказскому наместнику» [16, л. 122]. Очевидно, что в комитете осознавали, что многие местные нюансы петербургским чиновникам неизвестны и не могут быть известны из получаемых ими сведений о Кавказе. Наместник, со своей стороны, всячески стремился к развитию этой робости у столичных чиновников. Ежегодно наместник совершал поездки по территории края, сопровождаемый большой свитой [17, с. 174], многие лица из которой, возвратившись в Петербург, делились своими впечатлениями со столичной публикой, укрепляя авторитет М.С. Воронцова.

Было бы ошибкой полагать, что концентрация максимально возможной власти в собственных руках являлась для Кавказского наместника самоцелью. Наместник стремился к организации наиболее оперативного и эффективного управления Кавказом. Известны случаи добровольного отказа наместника от предложений расширения своих полномочий, если новые полномочия, по его мнению, вредили общему делу. Кавказский комитет предлагал учредить на Кавказе особую ревизионную инстанцию, которая работала бы в тесной кооперации с наместником. Таким образом, наместник мог присвокупить к имеющимся у него полномочиям в военной и гражданской сферах еще и самые широкие прерогативы финансового характера.

М.С. Воронцов объективно полагал, что доходы Кавказского края, поступающие в казну, не могут покрыть всех необходимых расходов, а значит, наместник вынужден привлекать «вспомогательные суммы из других источников государственных доходов, не входящих в пределы наместничества, ассигнование которых не может быть иначе сделано, как по соглашению с министерствами» [14, л. 67-68].

В «Правилах отчетности в суммах по Закавказскому краю и Кавказской области», подписанных императором, от идеи создания отдельной кавказской ревизионной инстанции отказались [14, л. 146-149].

Кавказский комитет запрашивал мнение наместника не только по вопросам, относящимся к административной деятельности, но и по проблемам законодательства. Находясь в поиске «наилучших законоуложений» для Кавказа, II Отделение СЕИВК разбирало законодательство грузинского царя Вахтанга VI, на предмет того, «согласно ли оно с духом нашего законодательства и с теперешними местными обстоятельствами...» [10, л. 477]. Результаты работы II Отделения СЕИВК поступили на рассмотрение в Кавказский комитет, который, прежде всего, запросил мнение наместника [10, л. 479].

Кавказский комитет не стал для Кавказа особым региональным правительством. В 1845 – 1852 гг. Кавказский комитет скорее играл роль своеобразного петербургского представительства Кавказского наместника. Такое положение было обусловлено не только системными особенностями управления Кавказом, при котором наместник обладал невиданными в истории Российской империи полномочиями и прерогативами, но сложившимися неформальными отношениями М.С. Воронцова, с одной стороны, и занимающего ключевую позицию управляющего делами Кавказского комитета В.П. Буткова, – с другой. Именно благоприятное сочетание объективных и субъективных условий взаимодействия Кавказского комитета и Кавказского наместника обеспечивало наиболее эффективную работу имперской администрации на Кавказе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. Советский Северный Кавказ в 1920-1940-е гг.: проблемные зоны современной отечественной историографии // Вестник Южного научного центра. Т. 5. №3. 2009. С. 76-82.
2. Батиев Л.В., Хлынина Т.П., Урушадзе А.Т. Поиск оптимальной модели управления Кавказом (XIX-начало XX вв) // Юг России: проблемы, прогнозы, решения. Сб. науч. статей. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. 320 с.

3. Ремнев А.В., Савельев П.И. Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX - начало XX века). М.: «Первый печатный двор», 1997. 189 с.
4. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т.1. СПб: Юрид. центр Пресс, 2003. 430 с.
5. Ремнев А.В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 511 с.
6. Архив князя Воронцова. Кн. XXXVIII. М.: [Б.и.], 1892. 408 с.
7. Корф М.А. Записки. М.: «Вагриус», 2003. 654 с.
8. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т.II. Тифлис: Типография «Гуттенберг», 1907. 663 с.
9. Цит. по: Щербинин М.П. Биография генерал-фельдмаршала князя М.С. Воронцова. СПб: Типография Эдуарда Веймара, 1858. 358 с.
10. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1268. Оп. 26. Д. 8.
11. Лисицына Г.Г. Даргинская экспедиция 1845 года в мемуарах современников // Даргинская трагедия.1845 год. СПб: Изд-во журнала «Звезда», 2001. 616 с.
12. Харитонов А.А. Воспоминания // Русская старина. №5. 1894.
13. ПСЗ-II. № 19590. 6 янв. 1846 г. «Высочайше утвержденные правила об отношениях Кавказского наместника».
14. РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 671.
15. РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 266.
16. РГИА. Ф. 1268. Оп. 26. Д. 8.
17. Ольшевский М. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб: Изд-во журнала «Звезда», 2003. 608 с.